

СЕРГЕЙ НОСОВ

**ОСЕННЯЯ
СМЕНА
МЕНЮ**

Сергей Носов

Осенняя смена меню

«Издательство К.Тублина»

Носов С. А.

Осенняя смена меню / С. А. Носов — «Издательство
К.Тублина»,

«Роман Петрович мерит комнату шагами. Руки за спиной. Туда-сюда, туда-сюда... Ему невесело. Остановится, подумает, помолчит... Туда-сюда, туда-сюда... Наконец подходит к стене возле печки, смотрит на вьюшку. «Печная вьюшка, – по Далю, – состоит из рамки, тарелки и колпака». Роман Петрович открывает вьюшку. Дыра отверста. Из дыры доносятся голоса – отдельные. Громкие, но невнятные. Кажется передвигают стулья. Или что-то в оркестре... Входит Нина Львовна. Прислушивается. Похоже, закончены приготовления...»

© Носов С. А.

© Издательство К.Тублина

Содержание

Лица	5
1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Носов

Осенняя смена меню

Лица

Роман Петрович

Нина Львовна

Ляля

Офицеров Олег

Швейцар Николай

Двоеглазов

Грибов-Сам

Действие происходит в квартире Романа Петровича – точнее, в одной из комнат – в течение одного вечера.

Большая комната в старом доме. Печь – высокая и широкая – на две комнаты, кафельная, кафель местами потрескался. Мебель не новая, отчасти даже старинная, книжный шкаф, книжные полки, узнается собрание сочинений Достоевского в характерном серо-зеленом переплете. Три кресла. Стол. Этажерка, на ней телефон. Ширма с восточным рисунком. На стенах картины, фотографии, пара афиш. Ветхие обои. Ремонта давно не было.

1

Роман Петрович мерит комнату шагами. Руки за спиной. Туда-сюда, туда-сюда... Ему невесело. Остановится, подумает, помолчит... Туда-сюда, туда-сюда... Наконец подходит к стене возле печки, смотрит на вьюшку. «Печная вьюшка, – по Далю, – состоит из рамки, тарелки и колпака». Роман Петрович открывает вьюшку.

Дыра отверста. Из дыры доносятся голоса – отдельные. Громкие, но невнятные.

Кажется передвигают стулья. Или что-то в оркестре...

Входит Нина Львовна. Прислушивается. Похоже, закончены приготовления...

Роман Петрович (закрыв дыру вьюшкой). Закончены приготовления.

Пауза.

Ну что ж, все к лучшему. (*Немного рисуясь.*) Дорогая, ты можешь готовить ужин с чистой совестью.

Нина Львовна (*ему в тон*). Ужин, дорогой, на сегодня не запланирован.

Роман Петрович (*радуясь каламбуру*). Ужин дорогой, дорогая, пусть они скушают. (*Показывает указательным пальцем вниз.*) А нам бы что-нибудь попроще, подешевше.

Нина Львовна. Рома, я не шучу. У нас нет ничего.

Роман Петрович. Как же тебе не стыдно, Нинуль? Понадеялась на угощение?

Нина Львовна. Пойди в магазин и купи что-нибудь.

Роман Петрович. Скоро Ляля возвратится. А есть нет.

Нина Львовна. А есть – есть. Для Лялечки всегда есть. А ты купи.

Роман Петрович. Не пойду.

Нина Львовна. Ну и оставайся голодным.

Роман Петрович. Странно. Ты чуткий человек, Нина. Ты должна понимать, я не могу спуститься. Они меня увидят, как я выхожу. И вхожу. Тем более, мимо швейцара. Я не хочу быть замеченным.

Нина Львовна. Я тоже не пойду.

Роман Петрович. Сволочи.

Нина Львовна (*безразлично*). Сволочи.

Роман Петрович. Нет, какие мерзавцы! Я придумывал спич.

Нина Львовна (*весело*). А я-то, дура, вымыла голову, как умная Маша.

Роман Петрович. Забыли!

Нина Львовна. А пошли они, знаешь, куда?

Роман Петрович. Знаю, знаю, Нинуль. Ведь не очень-то и хотелось по правде.

Нина Львовна. Вот именно.

Пауза.

(*Обведя комнату взглядом.*) Рома, ты меня любишь?

Роман Петрович. Так.

Нина Львовна. Я тебя спрашиваю: ты меня любишь?

Роман Петрович. Так. Я – внимание. Дальше.

Нина Львовна. Ты что, не можешь ответить по-человечески, любишь или не любишь?

Роман Петрович. Любишь. Любишь.

Нина Львовна. Любишь – это не любишь. Тебе не сказать «люблю»?

Роман Петрович. Люблю.

Нина Львовна. Столько лет живем, и ничего не понял.

Роман Петрович. Люблю, Нина.

Нина Львовна. Книжки почитай, «люблю, Нина».

Роман Петрович. А как же еще? Люблю, Нина. Как по-другому?

Нина Львовна. Давай шкаф передвинем. Он не на месте стоит.

Роман Петрович. Никуда, я тебя очень сильно люблю, но мы передвигали недавно.

Нина Львовна. Давно. Надо все передвинуть.

Роман Петрович. Чтобы внизу услышали? Хочешь испортить им праздник?

Нина Львовна. Я вообще – передвинуть. Когда-нибудь. Завтра, послезавтра. Надо все передвинуть. Все не на месте. Все!

Роман Петрович. Синдром передвигания мебели. Есть такой.

Нина Львовна. Зато я не кричу во сне, как некоторые. И печка мне тоже не нравится.

Роман Петрович. Печку передвигать не будем.

Нина Львовна. Как я мечтала скрыть ее! Сколько она занимает места! И пыль на ней скапливается. И не функциональна. И нет уже ни у кого, у нас только.

Роман Петрович. Вот именно, Нина. Только у нас.

Нина Львовна. Зачем она нам, зачем?

Роман Петрович. Нина, не наезжай на печку. Ты обещала. Мы все уже давно выяснили. И вообще... я вырос возле печки. Она старше меня в два раза. Если не в три.

Нина Львовна. В четыре! Он вырос у печки. Всегда можно свою лень замаскировать под сентиментальность. Знаю я твои сантименты. Другому расскажи. Ляля пришла...

Роман Петрович. И потом – тяга. Там – тяга.

Входит Ляля – с пакетом и коробкой.

Ляля. Тетя Нина, дядя Рома, крепитесь, мужайтесь, беда на ваши седые головы.

Нина Львовна. Ну что еще стряслось?

Ляля. Я остаюсь у вас на неопределенное время.

Роман Петрович (облегченно). Фу...

Нина Львовна. Ляля, нельзя так шутить, ты нас напугала.

Роман Петрович. И обидела. Мы тебе всегда рады. Живи сколько хочешь.

Нина Львовна. Или... что-то случилось?

Ляля. Случилось то, что дома дубак. Топить и завтра не будут. Я съездила, там висит объявление.

Нина Львовна. Что нет отопления! А ты как думала?

Роман Петрович. Вот у нас и перезимуешь.

Ляля. Накликаете.

Нина Львовна. И в такую даль не надо было мотаться. Ради объявления. (Смотрит на пакет и коробку.) Что это у тебя?

Ляля. Платье, туфли. Я за ними моталась. А не за объявлением. Новые. (Находит место обновкам.)

Нина Львовна. Тогда молодец. Наденешь – покажешь.

Роман Петрович. А зимние сапоги взяла? А фуфайку? А шапку, а меховую?

Ляля. Дядя Рома, накликаете.

Нина Львовна. Не пугай девочку. Мы и так ей уже надоели.

Роман Петрович. К вопросу о печке.

Нина Львовна. Пока у нас внизу ресторан, нам нечего бояться, Рома. Всегда будут топить.

Ляля. А почему вы не в ресторане?

Нина Львовна. Мы? Почему мы должны быть в ресторане?

Ляля. А почему вы не должны быть в ресторане? Там уже собираются... Вкусненьким пахнет... чем-то.

Нина Львовна. Сейчас поужинаешь.

Ляля. Ага. *(Достает косметичку.)*

Роман Петрович. Ты шла через кухню?

Ляля. Через главный.

Роман Петрович. Мимо швейцара.

Ляля. Какой он импозантный!..

Роман Петрович. Швейцар Николай. Работал в органах.

Ляля. Да ну? *(Ревизия предметов макияжа: кисточек, щеточек и т. п.)*

Роман Петрович. Между прочим, его дедушка, нет, прадедушка, нет прапрадедушка... кто-то из предков... дружил с Достоевским!

Ляля. Прадедушка! Мало ли с кем дружил мой прадедушка!

Роман Петрович. А я скажу, с кем дружил твой прадедушка. Твой прадедушка по отцовской линии...

Ляля. Дружил с прабабушкой по отцовской линии.

Роман Петрович. Твой отец дружил...

Ляля. Шли бы вы в ресторан, отпраздновали бы там... не знаю, что они там празднуют.

Роман Петрович. Извини, не пойдем. Работы много. Нина, где моя пишущая машинка? Не знаешь?

Нина Львовна. Знаю. В той комнате.

Роман Петрович. Да! Работы много. А Нина, она чувствует плохо.

Нина Львовна. Я чувствую плохо.

Роман Петрович. Себя.

Нина Львовна. Вот именно.

Роман Петрович уходит в «ту комнату». Ляля вопросительно глядит на Нину Львовну.

(Убедившись, что Роман Петрович уже не услышит.) Не пригласили.

Ляля. Туда? *(Показывает пальцем вниз.)*

Нина Львовна. Туда.

Ляля. Ну и что? *(В руке – кисточка. «Вечерний макияж зависит от освещения».)*

Нина Львовна. Да нет, ничего. Я тоже говорю, ничего особенного.

Ляля. Алик сказал, что можно без приглашения.

Нина Львовна. Какой Алик?

Ляля. Ваш сосед.

Нина Львовна. Офицеров? Ты его Аликом называешь?

Ляля. Он так представился.

Нина Львовна. Та к вы с ним познакомились?.. Как мило. Алик Офицеров... И когда же, если не секрет?

Ляля. Вчера. Алик сказал, что все, кто живет над рестораном, приглашаются автоматически. На любую презентацию. И что для нас там даже столик есть в уголке.

Нина Львовна. «Для нас» – это для кого?

Ляля. Ну, для вас, для кого же?.. Для тех, кто живет на этом этаже. С дядей Ромой для вас. И для Алика. Других, кажется, нет.

Нина Львовна. «Столик в уголке»... «Алик сказал»...

Ляля. И что вы с ним не пропускаете ни одной презентации.

Нина Львовна. Мы – с ним?

Ляля. А сам он даже друзей приглашает.

Нина Львовна. Алик.

Ляля. Алик. Олег Михалыч.

Нина Львовна. Друзей и подруг.

Ляля. Про подруг он ничего не говорил.

Нина Львовна. Ляля! Твой Офицеров просто нахал. Все, что ты тут рассказываешь – это типичное офицеровское нахальство. Я хорошо знаю Олега, поверь. Никогда, слышишь, никогда Роман Петрович не попадал туда просто так... или, как ты говоришь, автоматически. Только как почетный гость. Понимаешь? Почетный гость. А не как случайный житель сверху какой-нибудь... как твой Офицеров сказал...

Ляля. Да что вы к Офицерову привязались, тетя Нина? Алик сказал, что директор сказал. *(Тени наводит – допустим, кирпично-красного цвета.)*

Нина Львовна. Что директор сказал?

Ляля. Что вы с ним приглашаетесь на все презентации.

Нина Львовна. Ляля, твой дядя не без недостатков, я с ним тоже нередко поругиваюсь, но это не значит, что мы не должны им гордиться. Или, если не хочешь громких слов, хотя бы знать цену Роману. На весенней смене слово Романа вызвало, что бы они ни говорили, овацию. Овацию, Ляля. И был он тогда почетным гостем. И на прошлой осенней – тоже почетным гостем. И на всех праздниках – всегда – почетный гость!

Ляля. А вы думаете, я знаю, что там празднуют? Какие смены? Кого?

Нина Львовна. Да это и не важно кого. Не кого, а чего. Меню.

Ляля *(покрывая зеленым цветом наружную часть верхнего века).* Чего-чего?

Нина Львовна. Меню. Ну, меню. Праздник такой у них – «Осенняя смена меню». Я думала, ты в курсе... Видишь ли, ресторан дважды в год отмечает смену меню. Одна сезонная смена – это как бы весенняя, а другая – как бы осенняя. Вот сейчас будет осенняя. Глуповато, конечно, но куда денешься – общегородское событие. Банкиры приедут, бизнесмены, политики... ну, журналисты, само собой... деятели, так сказать, культуры... В общем, можешь представить.

Ляля. А я подумала, юбилей чей-то. Такая помпезность.

Нина Львовна. На весеннюю смену приезжал Грибов.

Ляля. Сам?

Нина Львовна. Там много из... *(Показывает пальцем наверх.)*

Ляля. А я подумала, мафиози какие-то...

Нина Львовна. И мафиози... Куда же без них.

Ляля. Фейсы такие.

Нина Львовна. Ну так что же теперь, что фейсы. Фейсы... Есть и достойные... с фейсами... Есть вполне достойные. Роман бы ни за что не пошел, если б достойных не было.

Входит Роман Петрович – с пишущей машинкой в руках. Не «Ундервуд». Что-то попроще, полегче и все-таки поновее.

Роман Петрович. Ляленька, ты там Двоеглазова случайно не видела?

Нина Львовна. Она ведь не знает твоего Двоеглазова.

Роман Петрович. Посмотри, Нина: что-то с машинкой. Каретку заело. *(Поставил на стол.)*

Нина Львовна. Пыли-то, пыли-то сколько! Давно бы уже компьютер купил!

Роман Петрович. У него внешность характерная. У него язва желудка.

Нина Львовна. И печень.

Ляля. При чем тут внешность?

Нина Львовна. Вот именно.

Роман Петрович. Он желтый такой. У него все пороки на лице. Все пороки.

Ляля. Разве язва желудка это порок?

Нина Львовна. Вот именно.

Роман Петрович. Нина, почему ты все время говоришь «вот именно»?

Нина Львовна. Ты сам говоришь «вот именно».

Роман Петрович. Я говорю, когда с тобой соглашаюсь.

Нина Львовна. В данном случае я соглашаюсь с вами обоими.

Роман Петрович. Вот именно.

Пауза.

Ляля (*крася брови*). Ну так что же ваш Двоеглазов?

Нина Львовна. Надо принести отвертку.

Роман Петрович. Когда-то он был кем-то по части снабжения.

Нина Львовна. Шишка на ровном месте.

Роман Петрович. Потом стал публицистом. Депутатствовал. Писал театральные рецензии.

Нина Львовна. Чтобы Роману навредить. Из вредности.

Роман Петрович (*соглашаясь*). Злопамятен, злопамятен... Сколотил капиталец едва ли не за одно утро, не маленький, полагаю, очень немаленький... и стал строчить детективы. Сам себя издает, сам для себя премии учреждает и сам же себя ими награждает... раз в год. У него большие связи и любит поесть.

Ляля. Зачем? (*Забота о ресницах.*)

Роман Петрович. Детективы – зачем? Для славы, наверное.

Нина Львовна. Он знает много. Большой опыт по части сомнительных махинаций. Еще бы ему не писать...

Роман Петрович. Значит, еще не пришел, ты бы сразу заметила. Он такой весь... какой?... вот, знаешь, такой... (*Пытается показать какой.*)

Нина Львовна. Что значит драматург. Не может описать внешность.

Роман Петрович. Одна улыбка чего стоит.

Нина Львовна. Гипсовая. Кривая. Неподвижная.

Роман Петрович. А взгляд!

Нина Львовна. Рыбий взгляд!

Роман Петрович. Точно сказано: рыбий! Рыбий, двоеглазовский взгляд!

Нина Львовна. А как он интриговал против Романа!

Роман Петрович. На весенней смене полез ко мне обниматься. Как ни в чем не бывало. Если бы не он, у нас не закрыли бы театр.

Нина Львовна. Последний в городе.

Роман Петрович. Вот именно.

Пауза.

Ляля. Вас послушать, злой гений какой-то. Не человек, а дьявол...

Нина Львовна. Эстетизируешь. Нуль без палочки.

Роман Петрович. С язвой желудка и печенью. Я уверен, с язвой желудка и печенью он обязательно припрется на дармовщину. Из принципа.

Ляля. Гипербола. *(Дело за помадой.)* Дядя Рома, я правильно употребила слово? *(Теплого, красного тона, без блеска.)*

Роман Петрович. Вот когда увидишь эту гиперболу, поймешь, какая гипербола.

Нина Львовна. В жизни он еще колоритнее. Еще тот персонаж. И с таким ты дружил когда-то, Роман.

Роман Петрович. Ты тоже.

Нина Львовна. Ты раньше. Вы с детства дружили.

Роман Петрович. Наши родители дружили, а не мы. Двоеглазовы жили внизу, под нами, где сейчас ресторан. Он уже потом разменялся... Мы прилаживались, а не дружили. А вот ты, Нина... ты, Нина...

Нина Львовна. Ну, хватит о Двоеглазове. Мне надо отвертку.

Роман Петрович. Я тоже так думаю.

Пауза.

Помнишь, Нина, когда я написал двадцатую пьесу... как же она называлась...

Нина Львовна *(быстро)*. Сороковая пьеса Островского называлась «Бесприданница».

Роман Петрович. Моя двадцатая – по-другому. *(Ляле.)* Я написал много пьес, больше двадцати, успех имели не все. Я и для радио писал, и для эстрады... Чепухи, конечно, достаточно было, но есть – за что стыдиться не буду, нет. И тебе, Ляля, стыдно не будет. Кое-что после меня все же останется. У Лопе де Веги пятьсот пьес известны лишь по названиям. И около тысячи совсем утрачены – с названиями. А всего Лопе де Вега написал две тысячи пьес! Две тысячи пьес!

Нина Львовна. Это да, только что же произошло, когда ты написал двадцатую?

Роман Петрович. Э-э-э... *(Рассеянно.)* Слушай... а я что-то хотел?..

Нина Львовна. Роман, склерозу надо сопротивляться. Ты падаешь духом.

Роман Петрович. Что-то хотел... я вспомню... сейчас...

Нина Львовна. Вспоминай. А я пошла за отверткой. *(Уходит.)*

Роман Петрович. Ляля, ты, наверное, хочешь поужинать? У Нины есть ужин для тебя. Посмотри на кухне. Поешь.

Ляля. Дядя Рома, я хочу переодеться. *(Идет за ширму.)*

Роман Петрович. Тогда я... в кабинет.

Ляля. Да вы мне не мешаете. *(Переодевается – неторопливо, размеренными движениями, с любовью к телу своему и новому платью. Быстро все равно не получится: там зеркало. Процедура сопровождается столь же медлительной речью Романа Петровича.)*

Роман Петрович. Ты только не подумай, что это так легко. Пьесы очень трудно писать. Хорошие пьесы. Плохую и дурак напишет... левой ногой. Действие, сверхзадача... А попробуй-ка придумай хорошую. Вот все было уже, говорят. Все, да не все. Чего-то и не было. Был, говорят, герой уже – всякий. Всякий, да не всякий. Вот тебя не было, Ляля. То есть что-то такое, допустим, было, но не ты. А тебя не было. Или меня. Я, может, и был, как этот... Роман Петрович... какой-нибудь... вообще... а как собственно я... я!.. как Роман я Петрович... я и не был.

Пауза.

Или, как дядя Рома твой, я не был. Притом, что дядь много было. А твоего не было.

Пауза.

Тут много тонкостей. Вот представь, Ляля, мы оба на сцене, и ты переодеваться надумала... на сцене... это теперь в порядке вещей... а я стою здесь и что делаю? Бу-бу-бу. Говорю. На сцене долго нельзя молчать. Надо говорить, когда другие молчат. Попробуй-ка... бу-бу-бу... сочини монолог. А и не сочинишь. Это с виду так просто. А на самом деле далеко как не просто... Вот именно. Чтобы все в меру было. И не получится, если не умеешь. Нет.

Пауза.

Нет, все приходит с опытом, да. Она, наверное, не найдет отвертку. Мизансцены возьми. Их тоже искусство менять. А как ты думала? Даже слов порядок. Ну и сами слова. Тут все важно. Как говорю. Та к или не так... Я тебе откровенно признаюсь, Ляля, меня не понимали, когда ставили. Когда ведь пишешь, все по-своему слышишь. А потом со сцены когда раздается, уже не твое, совсем не твое. Ты думал, тут смешно получилось, а у них, как на панихиде, хоть из зала беги. Или наоборот, он паясничать начинает, а ты ждал патетики, проявления высокого, понимаешь ли, чувства... ждал, зритель заплачет. Шиш он тебе заплачет. От режиссера, конечно, очень много зависит, это естественно. Редактор, когда печатали, все слова вычеркивал... вот именно, лишние. Еще критики есть. Были. В бытовики записали. А вдруг я философ, а не бытописатель? Может, я быт постольку поскольку люблю. Я предметность люблю. Вообще. Вещественность... Вещность... Я и слово люблю – предметным, конкретным... угловатым. Вещь как вещь. Как таковую... Не вещь в себе. А вещь...

Пауза.

В судьбе вещь. Вот как, да. В судьбе человека вещь. На ней судьбы печать. На вещи. Судеб!..

Пауза.

Мне бы реквизитором быть. Я люблю, когда декорации, как настоящие. (*Осматривается по сторонам.*) Чтобы стол столом был. Шкаф – шкафом. Стена – стеной. Вьюшка – вьюшкой.

Ляля (*из-за ширмы*). Чем-чем?

Роман Петрович. Вьюшкой. Вьюшка... Печная... Дверью – дверь. Моя вся жизнь в этой квартире прошла. Когда внизу ресторан возникал... мы с Ниной испугались, что выселят. Ничего, обошлось. Я у них за почетного гостя... был... всегда. Да.

Пауза.

А был маленьким, Ляля, тут у меня столько тайников было!.. Тут, в этой квартире, столько закутков разных... есть... от родителей...

Из-за ширмы выходит Ляля – в новом платье и туфлях. Счастливая.

Какая прелесть!.. Сейчас ты мне напоминаешь Нину мою... не скажу сколько лет назад... (*Громко.*) Нина! Нина!

Нина Львовна (*из-за стены*). Да подожди ты. Сейчас.

Роман Петрович. Не найдет отвертку. Она была в таком же платье... примерно... Когда я привел ее первый раз... вот здесь и стояла, вот тут... возле печки. Как ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.